

МАРИЯ ЕРОВА, ЭД БИ

СНЕГУРУШКА

Мария Ерова Снегурушка

<https://litres.ru/74204099>

Аннотация

Ледяная, бездушная, отчуждённая... Снегурушка явилась в чужой дом, притворившись их чадом, чтобы стать началом конца его обитателей и всех жителей деревни. Но что, если в мёртвом теле зародилась душа, способная погубить свою обладательницу? Ведь любовь к Лелю, что взыграла в её холодном сердце, медленно плавит лёд, из которого слеplено её тело. Любовь к нему – её гибель. Любовь к ней – его грех... Выживет тот, кто первым убьёт в себе это чувство. Или просто убьёт другого...

#страшная_сказка #элементы_славянской_мифологии
#запретная_любовь #тёмное_фэнтези_ужасы_хоррор

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Пролог

Зазвенел мороз на солнце! Понеслась пурга! Небо заголубело, словно весну почуяв, а про неё ещё и думать не следовало!

А стайка неугомонных ребятишек, высыпав в такой холод, принялась за привычное дело: а ну, бабу снежную ваять! Да не так-то это просто было сделать, снег не липкий на морозе, щёки алым горят, да разве их это когда-нибудь останавливало?! Смеются на перебой, шары катают! И не холодно, нет! Весело, да радостно!

Кое-как в кучу снежок свалили, да по бокам добавили, ладошками прохлопав. Притащили платья старые мамкины, да бусы из рябин, что птицы склевать не успели, и ну давай бабу свою украшать! Вышла баба на славу – загляденье, фигуристая, да нарядная! Красота одним словом!

Потоптались, полюбовались, да на горку ледяную отправились – ещё одна забава, которую пропустить нельзя. А мороз – ну что мороз? Детям он не помеха...

Поглядывала на них старая Анисья, опару замешивая, любовалась. Даже узоры на стекле рукой растёрла, чтоб краешком глаза на чужих ребятишек взглянуть – своих у неё не было, как ни старалась. Вот и жизнь уже к закату клонилась, а печаль по этому поводу всё не отпускала. Нет-нет, да и всплакнёт, глядя на весёлую ребятню, резвящуюся на

улице. Не завидовала, но печалилась, тихо было в её доме, тоскливо.

Вот и чужие детки разбежались, и тишина вновь тяжким грузом опустилась на уставшую душу. Дед Тимофей на печи лишь похрапывал – ему что, наколол дров, притащил воды, да свободен. Дел зимой немного, да и скотины им на двоих козы да коровы хватало.

Темнело уже, а Анисья так и сидела у окна, глядя на творение рук детских. Неказистая вышла нынче у них снежная баба, да всё лучше, чем ничего. Вот если бы кто из взрослых подсобил...

Накинув на плечи тёплую свиту, Анисья вышла на улицу. После тёплой избы мороз иголками кольнул лицо и шею, да и руки замёрзли, вот только в избе сидеть вовсе не хотелось. Мороз крепчал и яркие звёзды предвещали и завтра холодный денёк, но на то зима и есть, чтобы холодно было. Весна всех согреет.

В темноте одинокая фигура перед избами казалась бледным истуканом, но женщина подошла к ней, продолжая рассматривать. Жаль ей стало несчастную, и не смотри, что не живая, а всё ж творение рук человеческих! Протянула руку, «лица» коснулась. «Вот бы дочка у меня была, я б с ней с утра до ночи играла, вместе бы баб снежных лепили!» - подумала Анисья. И, задумавшись, пригладила снег, придавая ему форму глаз да бровей, носа, шею поаккуратнее. Не заметила, как время прошло. Замёрзла, устала, да от мыслей

скорбных отвлеклась. Да спать отправилась – поздний час на дворе стоял, пора была возвращаться.

Глава 1

Вначале родилась мысль, за ней другая.

Её словно тянуло из мягкого насиженного места в иное, незнакомое, холодное и... твёрдое. Душа, отвыкнувшая от всякой оболочки, привыкшая к свободе, с удивлением узнала себя в новом теле. Не испугалась, но с непривычки замерла.

Первыми дрогнули тонкие белые пальцы, после руки согнулись в суставах, а за ними и плечи расправились. Тело зашевелилось, шея повернулась, помогая голове осмотреться. Но она ничего не понимала и не узнавала.

Ноги сделали первый шаг, не давая больше возможности телу остановиться. Она двигалась, она шла, она могла говорить, произнеся вслух несколько слов на, казалось, незнакомом языке, но не помнила, кто она и откуда взялась.

Но безошибочно двинулась в сторону ближайшего дома.

Света лучин не было видно, но из трубы столбом валил густой дым. Значит, там были люди.

Дойдя до двери, она неуверенно постучала, но, не получив ответа, повторила свою попытку. Кто-то закашлялся с той стороны, и она замерла, ожидая реакции тех, кто, должно быть, сейчас впустит её в избу.

Дверь и впрямь скоро открылась, и свет луны выхватил из темноты бледное заспанное лицо уже немолодой женщи-

ны. Она куталась во что-то тёплое, и с подозрением пыталась рассмотреть, кто побеспокоил её посреди ночи. А после, осев себя крестным знаменем, отступила вглубь комнаты, но тут же подалась назад.

Не спалось старой Анисье, хоть убивай. Всё передумала, перемыслила, все глаза проглядела. Вот и жизнь к концу подошла, а всё одно и то же. Не было у неё счастья, не было той жизни, о которой мечтает каждая баба. Тимофей мерно храпел на печи, лишь изредка замирая, и Анисья всё пыталась уснуть, но горькие мысли так и роились в больной голове. Скорее бы уж что ль смерть пришла да мучать её перестала.

Вздыхнула, поворачивая уже ставшее непослушным тело на другой бок. Спать пора, вставать уж скоро. А она, считай, не ложилась.

Казалось, сон сморил её, да сквозь эту чуткую дремоту слышала она стук – тонёхонький, едва различимый. Неужто нечистая разыгралась? Али мышь в углу возиться начала. Кот Васька наострил уши, но с места не шелохнулся. Лишь замер, вытаращив глаза на дверь.

А меж тем стук повторился.

- Кого принесло на ночь глядя? – проворчала старая Анисья, зная, что не разбудит Тимофея – тот был глуховат и днём, а уж ночью хоть колуном по башке стучи – не услышит.

Мелькнула мысль – а может не открывать вовсе? Свои все дома, а чужие... И всё же то, что на улице мороз, не давало

старухе покоя. Всё ещё ворча под нос, она накинула спешно шаль на плечи, и подалась к двери тяжёлой походкой, скрепя половицами.

Васька жалобно и громко мяукнул, испуганно зыркнув на неё зелёными горящими во тьме глазами. Ох, не к добру... И всё же проверить было надо.

Скрипнул тяжёлый засов под её руками, дверь, врезавшись в наметённый к порогу снег, открылась не сразу. А после...

- Матушка пресвятая Богородица! – воскликнула Анисья, сощутив подслеповатые глаза. – Это ещё кто?..

Перед ней, шаркая босыми ногами, стояла девочка лет семи, абсолютно голая, с растрёпанными волосами и такими огромными глазами, что впору было залюбоваться. Да вот мороз никуда не делся, и Анисья, схватив девчонку за плечи, потянула в избу, срывая на пути со своих плеч шаль, кутая в неё несчастную. Сердце так бешено заколотилось в груди, что впору было задохнуться, но сейчас её волновало другое. Девочка... её нужно было спасти любой ценой!

Та не сопротивлялась, делая всё, что требовала от неё старушка. Усадив пришедшую на свою ещё не успевшую остыть кровать, она укутала её в одеяла, подбросила дров в печку, налила в кувшин воды, сунув его в устье чтобы подогреть. Отыскала сушёные травы, бруснику да смородину – заварит, добавит мёда, да согреет дитя.

Девочка всё это время следила за ней глазами. Светло ста-

ло от огня, и теперь Анисья отчётливо видела её светлые, почти белые волосы, огромные голубые очи, обрамлённые светлыми густящими ресницами, да худющую фигурку, почти незаметную под тёплым ватным одеялом. Кожа девочки была не белой – мертвенно-бледной, но это Анисья списала на переохладение. Вот сейчас напоит её отваром, подлечит, и...

На печи завозился Тимофей, но Анисья тут же цыкнула на него.

- Спи, старый! До утра ещё долгёхонько...

Тот спросонья и не заметил, что у них гости. А может попросту не увидел – глаза старика тоже давно подводили. А вот кот всё так же настороженно следил за девочкой немигающим взглядом - так, что шерсть на загривке поднималась. Но Анисью он сейчас только раздражал.

- Согрелась? – ласково спросила она пришедшую, поправляя чуть съехавшее с плеч девочки одеяло. – Хоть чутка...

Так кивнула, но продолжала молчать. Анисья заварила травы и поставила на стол настояться.

- Потерпи немножко, сейчас легче станет...

Девочка вновь кивнула, продолжая пристально наблюдать за пожилой женщиной.

Та уже и не чаяла её разговорить, но тут за спиной раздался тоненький детский голос.

- Ты совсем не помнишь меня?

Анисья обернулась, растерянно охнув.

- Фух, не нёмая! – радостно сообщила она, вытирая руки о тряпку. – А я уж подумала, вдруг юродивая какая...

Но девочка, будто не слышав её, повторила:

- Ты совсем не помнишь меня... мама?

Глава 2

Анисья, потеряв дар речи, опустилась на ближайшую лавку, глаз не отводя от девочки. А та продолжала изучать её в ответ пристальным взглядом. А после, выбравшись из-под одеял, подошла к несчастной женщине, что успела подумать, будто сошла с ума.

Девочка взяла её за руки и, сжав их крепко, заглянула будто в самую душу – глаза Анисьи, и та словно утонула в этом светлом, невинном взгляде. И...

- Вспомни, пожалуйста! – умоляющим голосом заговорила девочка. – Ты должна вспомнить...

Анисья почувствовала, что она хоть и сидела, но пол будто заходил под ней, угрожая уронить на пол. Кот закричал, завыл, но сейчас она не обратила на него никакого внимания.

- Вспомни... - вкрадчивый голос девочки пробирался всё глубже, и старуха, проваливаясь всё глубже в пучину своей памяти, неожиданно вспомнила...

Чувства захлестнули её. Она будто вернулась в тот день, когда ещё была молода, и тело её было не столь дряхлым, а ноги и руки крепки, как я у всякой работающей деревенской бабы. Анисья была на сносях, но это не мешало ей выполнять привычную работу. Кто тогда смотрел на это? Есть хотелось каждый день, а хозяйкой в доме была она. Тут и приготовь, и скотину накорми, а там уж и муж с полей ворачивался. Це-

лый день на ногах, как ни крути. Тяжело, да только все жили так, и на ум никому не приходило жаловаться.

Однако срок подходил, и с каждым днём ей всё становилось тяжелее. Присесть на лавку уже было за счастье, а уж лечь – то целый праздник. Скорее бы разрешиться... Умирая от усталости, Анисья решила отдохнуть, и внезапно поняла, что отошли воды...

...а дальше... Дальше всё было словно во сне. Пока вернулся Тимофей, да понял в чём дело. Пока сходил за повитухой... А та, явившись слишком поздно, сказала, что всё конечно. «Мертво твоё дитяко. Бог дал – Бог взял». Пряма так и сказала.

А Анисья, как пришла в себя, завывала да себя закорила. Тимофей не показывал её мёртвое тельце, обернул в рогожку, да отнёс на сельское кладбище. Не отпевают мертворождённых, да святая земля всех примет. Вот и сейчас Анисье выть захотелось так, чтобы голова лопнула. Боль, что столько лет держала в себе, вновь обрела краски, словно произошла всего день назад.

Но девочка эта, пришедшая, вдруг охватила её голову руками и произнесла:

- Не так всё было, мама. Смотри...

Петух орал как прокажённый, что даже в избе слышно было. Тимофей потянулся, едва не свалившись с печки. Кости ломило, хоть было жарко, да старость она такая. Никого не

бережёт. Сел, размяв сутулые плечи. Да вдруг замер, узрев такую картину.

Бабка его, Анисья, сидела на своей кровати и глаз не сводила с бледной белобрысой девчонки, закутанной в простыни. Она была так бледна словно обескровленная, полупрозрачная кожа казалась неживой. Словно мертвячка из земли-матушки поднялась, да в дом их наведалься. Худая, в старых Анисьиных лаптях на босу ногу. В руке девчонка держала веретено, да так ловко с ним управлялась, будто всю жизнь только и пряла. И только эти складные движения, да огромные голубые глаза, что повернулись в его сторону, едва он заметил её, сказали старику, что девочка живая.

- А энто хто? – будто до сих пор не веря своим глазам, спросил скрипучим голосом Тимофей. – Анисья!

Старуха обратила на него внимание не сразу. А после, повернув к мужу голову, произнесла елеённым, счастливым голосом:

- Тимоша, посмотри, дочка наша пришла... вернулась...

Тот даже дар речи потерял, услышав такое.

Он спустился с печи, насколько позволял ему его возраст, и заковылял к жене, опасливо поглядывая на всё это время молчавшую девочку.

- Аль разумом повредилась? – спросил он, заглянув в лицо Анисье. – Я говорю, чья это девочка, а?

Но жена, тут же изменившись в лице, отпрянула от него, и гневно воскликнула:

- Ты что это, старый?! Родную дочь не узнаёшь?!

Тимофей замер, не зная, что ему и предпринять. Злость вперемешку с безумием адским пламенем горели во взгляде Анисьи, и спорить с глупой бабой сейчас не представлялось возможным.

Тогда он переключился на девочку.

- Откель ты взялася, а? И чья ты будешь?

Девочка молчала, поджав губы и продолжая своё занятие. Лишь глаза, голубые-голубые, как морозные омуты, смотрели на него строго и неприязненно.

- Али глуховата? – не отставал старик.

- Отстань от неё! – рыкнула на него Анисья, вскочив с края постели и распрямившись в полный рост. – Не видишь, что *она* это?!

- Да кто ж – *она*? – осерчал старик.

- Дочка наша!

- Да не было у нас отродясь никакой дочери! Тьфу ты, нечистая!

- Ах, нету?! – завелась Анисья. – Тогда ступай из избы вон! Раз нету у тебя дочери, значит, у меня нету мужа!

Тимофей аж крикнул, услышав такие слова. Пятьдесят с лишним лет прожили, и ни разу он не слышал от кроткой да послушной бабы своей таких слов. Видать, и впрямь нечистая попутала! Священника бы пригласить...

- Дык, куда ж я пойду?! – взмолился он, растерявшись.

- А мне почём знать? – властно произнесла Анисья. – Раз

дочь родную не узнаёшь, так, можить, и меня скоро переста-
нешь...

- Да как же... - начал было Тимофей, да мазнул рукой, поняв, что бесполезен этот спор. И словно примирившись, сказал. — Я в лес пойду, за хворостом.

А сам подумал, что, можить, когда вернётся, не будет уже ничего. Ни чужой девки в доме, ни бабы его дурной... Вернее, будет, да та, с которой всю жизнь душа в душу прожил.

Анисья же сделала вид, что боле не слушает его, вернувшись обожаемым взглядом к бледной девочке. И Тимофей, так и не дождавшись от неё ни слова, вышел прочь.

Глава 3

Темно ещё было на улице, морозно. А в лесу так и подавно. Совы ухали, деревья скрипели, что живые, да не с душой. Но Тимофей брёл, едва переставляя ноги, утопая в сугробах, что за ночь намело, но останавливаться не хотел, раздосадованный недавней сценой.

«Кто она такая? Да откуда вязалась?» - всё крутились в голове недобрые мысли, не предвещавшие ничего хорошего. – «Совсем старой мозги запудрила, али, чаво доброго, заколдовала».

И ёжился, вспоминая недобрый взгляд Анисьи, направленный в его сторону. словно и её подменили. Так, кряхтя да собирая хворост, блуждая по лесу да в своих недобрых мыслях, старик вдруг осознал, что заблудился. Ещё этого не хватало! В своём родном лесу, да так глупо!

И сам не понял, как это произошло. Вот вроде шёл, по кустам знакомым, да соснам вековым. И всё ж заплутал его Леший! Завёл, куда не нать!

Тимофей остановился, желая успокоиться. Закрыв глаза, да воздух из лёгких выпустил. Поднялось ввысь облачко пара, а по спине пробежал озноб. Рукавицы на руках затвердели от мороза, и пальцы под ними белеть начали. Ох, лихо одно не приходит! Да не сгинуть бы здесь, об эту пору...

Но силы иссякли, да и выдержка была на исходе. Сутра

ведь не емши ушёл, дверью хлопнув, а сейчас живот сводило. Да и пить хотелось нестерпимо. Устал, но знал, что останавливаться нельзя. Тогда точно Карачун придёт, а он не тётка – не пожалеет. Но тут судьба сама решила. Споткнулся старый, зацепившись за ветку, да ухнул в сугроб, при этом больно приложившись коленями. Ох, чертовщина какая-то!

Долго ли он так просидел, не зная, как подняться, да только смириться решил, хоть и дюже страшно было! Но тут если не стужа, так волки, всё одно помирать. Да только б в старости не так оно хотелось, чтобы люди потом чертыхались, проходя мимо этого места. А вдруг до весны не найдут то, что от него осталось? Тогда и вовсе лес гиблым нарекут...

И тут он услышал шаги. Уши его, хоть и были слабы, но сейчас слух обострился. Ужель как правда? А может мерещиться? А может сама смерть к нему подкрадывалась? Ой, жутко, страшно...

Замер Тимофей, но сам надежды не терял. Кто-то приближался, да вроде как человек, хоть и не особо большой... Да это ж Лель, соседский мальчишка!

- Эй-ей! – позвал он его ослабшим голосом. – Помоги, сынок!

«Уж если самому не по силам, так, можа, подмогу приведёт» – обрадовался старик.

Мальчик, невысокий, коренастый крепыш лет двенадцати, в отцовском тулупе и шапке из заячьей шкуры, быстро замотал головой. А увидев старика, сидящего прямо в сугро-

бе, бросил свою охапку только что набранного им хвороста, и поспешил к тому.

- Дядь Тимофей! А ты что тут расселся?

Слёзы потекли из глаз старика, завидевшего знакомую душу.

- Заблудился я, дурак старый, в трёх соснах! Никак выйти не мог! А тут вот ещё споткнулся... Думал уж всё, помирать мне, глупому...

- Эээ, дядь Тимофей! – совсем по-взрослому возразил ему мальчишка, принявшись помогать тому встать. – Ты ж мне обещал ещё кой чего... Помнишь? Свистульку из дерева вырезать. Уж больно Алёнке они нравятся, любит их сестрёнка!

- Дык... я... - закричал старик, едва справляясь с собственным телом, замёрзшим да затёкшим. – Научу, Лель, научу...

Мальчик перекинул его руку через своё плечо и, придерживая дряхлое, да благо, не увесистое тело, повёл прочь из леса. Он пыхтел и потел, покраснелся даже, но от своего не отступался. А Тимофею стыдно было, да жить тоже ещё хотелось, хоть и старость пришла. Да и Анисья ещё... Пропадёт она без него! Вот дурь из башки выветрится, и заживут они лучше, чем прежде. А если приживалка ей эта нужна – так что ж, пусть будет...

- Тяжёлый я, - снова посетовал старик.

- Не тяжелей тяжёлого! – весело отвечал парнишка, хотя старик видел, как ему тяжело даётся этот поход.

Ну, сразу видно, настоящий парень растёт! И мужик отменный выйдет! Не смотри, что ещё по годам мал. А всё хозяйство на нём, как отец его, рыбак Григорий, однажды вообще не вернулся. Говорят, русалки заманили, да погубили, а как оно было на самом деле – никто не знал. Только осталась у него вдовушка Олеся, да двое деток малых – Лель да Алёнка. Но мужик, хоть и не велик ещё росточком, но, как водится, в доме главный...

Вздыхал Тимофей, порой глядя на него – ему б такого сына! Чуть свет, тот в поле, а то по дрова, то по грибы да ягоды. И дом сам чинит, и крышу латает. Посмеивались над ним мужики, а потом перестали, зауважали. Смеяться-то дело не хитрое. А ты вот так попробуй – как Лель!

Да и деваться ему особо было некуда. Мать-то, Олеся, всегда слаба была здоровьем, а сестрица ещё мала. Вот потому не на речку летом Лель мчался, а по делам своим, взрослым, которые и многим мужикам не под силу.

Хотя и для веселья с другими детьми времени хватало.

- Ну вот и пришли, дядь Тимофей! – всё так же бодро оповестил его мальчик, хотя тот и сам уже увидел. – Бабка Анисья! Забирай мужа своего!

Но навстречу им никто не поспешил, даже дверь не открыли. Пригорюнился Тимофей, но Лель, не желая оставлять старика одного, вызвался проводить его аж до избы.

Дверь поддавалась легко, и мальчик, помогая старику переступить через порог, весело воскликнул:

- Что ж гостей как плохо, хозяйюшка, встречаешь? А я тебе деда твоего привёл!

Но тут Лель замолчал, увидев в избе ту, которой здесь отродясь не было. И Анисю, что даже головы не повернула в их сторону.

Глава 4

А в доме-то было едва ли теплей, что снаружи. Лель взглянул на очаг, что, кажется, давно погас, но никто даже не пытался поддержать в нём живой огонь. Нахмурился. Перевёл взгляд на Тимофея.

Тот лишь виновато пожал плечами.

- Это что это у вас тут за мода такая? – громко спросил мальчик, обращаясь ко всем сразу. – Зима нынче, али не знали?

- Ох, - будто только сейчас спохватилась Анисья и бросилась к погасшему и успевшему остыть очагу. – А я и не заметила! Снегурушка, заболтались мы с тобой!

Та девчонка, более похожая на ледяную статую, ничего не ответила, только зло зыркнула на него так, что у иного бы отпало дальше желание и вовсе разговаривать. Но Лель, кажись, был не из робкого десятка.

- Ты, бабка Анисья, лучше бы за мужем своим приглядывала, - сказал он, игнорируя эту бледную поганку, у которой похоже и характер был такой же ядовитый, как и взгляд. – Он вон едва в сугробе не замёрз, эо занесло его далеко!

Анисья, лишь искоса одарив взглядом совсем растерявшегося Тимофея, метнула холодный, как лёд, взгляд на Леля.

- А пошто он в такую даль зимой поплёлся? – раздражённо выпалила она. – Мы за дочкой следить надобно, а не за

старым бараном! Видишь, не в себе она малехо? А он-то чай поди большой, сам разберётся.

Дед Тимофей, что устало опустился на лавочку, лишь махнул рукой в сторону вздорной бабы. Мальчик же лишь почесал репу и недоверчиво глянул на старуху.

- А откуда у вас дочка-то взялась? – совсем растерявшись, нахмурился Лель. – И по виду, ты уж прости меня бабка Анисья, во внучки больше годиться...

- А не твоё, малой, дело! – тут же огрызнулась старуха. – Шёл бы ты домой, пока ухватом не получил!

Связываться с глупой бабой совсем не хотелось, да и впрямь нужно было уходить. Хвороста, за которым Лель отправился в лес, он так и не принёс, а мать, наверное, уже волновалась. Зато доброе дело совершил, за которое чуть пошнее не получил, ну да ладно. От добра - добра не ищут... Да только боязно что-то стало за дядьку Тимофея. Станные они обе были- и старая Анисья, и эта, Снегурушка, как та её называла...

Шмыгнув оттаявшим носом, Лель направился к двери, не прощаясь. И уже выйдя из избы, его догнал дядька Тимофей. Он торопился, как мог, в одной рубахе, да наспех накинутым на спину, не застёгнутом овчинном тулупе.

- Ты чавой, дед? – удивился Лель, воротясь к нему.

- Ты это, сынок, не серчай на них, - произнёс старик, воровато оглядываясь на дверь. – Бестолковые бабы, что с них взять?

- Да я не в обиде! – как не кичился парень, а душой слегка покривить пришлось. Но старика шибко расстраивать не хотелось, ему и так сейчас достанется. – Только скажи, откуда девка-то взялась? Дальняя родственница или...?

Тимофей замахал перед его лицом рукой, призывая к тишине. А после, вновь обернувшись на дверь, шёпотом произнёс:

- Не иначе как сам чёрт на рогах принёс! – начал он. – вечером не было. Утром, как только открыл глаза – сидит уже. Холодная, как неживая! А Анисьюшка моя вокруг неё как лиса ходит, да хвостом заметаёт! Столько лет вместе прожили, а тут вишь че – и я не нать стал, как гвоздь погнутый. Словно подменили мою бабу за одну ночь!

Высказавшись, старик вновь обернулся, но дверь так и оставалась закрытой. Не нравилось всё это Лелю, да сам мал был ещё, да и что тут было сказать? Чужой дом – яма. Но поразмыслить над этим всё же стоило.

Охая и больше не произнеся ни слова, Тимофей повернул домой. А Лель отправился к себе, решив, что за хворостом сходит завтра. Слишком уж он устал сегодня от странностей этого, только начинающегося дня. Да кости начало ломить так, будто жар поднимался. Залезть бы сейчас на печку и уснуть. Да только до дома сначала добраться надо было...

Благо, семья его жила не далеко. Но едва он ступил на порог, как на встречу ему бросилась плачущая Алёнка.

- Лелюшка, Лелюшко! – причитала она так громко, что Лель подумал о самом худшем.

- С мамкой беда?! – воскликнул он.

- Ни, ни! – тонуленьким голоском закачала светлой головой девчушка. – Бабу мы вчера строили, помнишь? А сегодня Алёшка сказал, что сломали её!

От души сразу отлегло. Лель поднял сестру под руки и заглянул ей в глаза.

- Тоже мне беду нашла! Сегодня новую слепите, - попытался утешить он её.

- Слепим! – горячо подтвердила Алёнка. – Только колечко моё у той осталось, что вчера была! Я ей сама его поносить дала, и вишь как! Пропала наша баба...

Лель тяжело вздохнул.

- Наверное, рядом валяется твоё колечко. В том месте, где баба снежная стояла. Весной найдётся...

- Мне сейчас надо! – надув губы, заявила девочка. – Оно ж мне от тятки осталось, мама так говорит...

Деваться было некуда.

- Одевайся. Пойдём искать...

Как же не хотелось возвращаться в эту лютую стужу! Но обещание, данное сестре, нарушать было нельзя. Взявшись за руки, они пошли туда, уда указывала Алёнка. Но каковым же было удивление Леля, когда она привела его назад, прямоком к дому старой Анисьи!

- Вот! Вот здесь стояла – и нет!

Девочка показала то место, где, по её мнению, вчера они с другими ребятами лепили снежную бабу, но там даже камушка не было. Видать, ошиблась сестрёнка...

- Напутала ты что-то, - потирая озябшие руки, произнёс Лель. – Нет тут ничего...

- А вот и не напутала! – та даже ножкой притопнула. – Видишь, Ванька шишку ещё обронил? А Борька сажу оставил...

И, действительно, все те вещи, о которых говорила Алёнка, были здесь – и сажа, и шишка, и бусины рябин пестрели в снегу как капельки крови... Но ведь если действительно была здесь снежная красавица – то и от неё бы следы остались.

Запутавшись в собственных мыслях, Лель в раздумьях взглянул в окно Анисьиного дома и встретился с *ней* взглядом. Холод обжог его сердце, но взгляда он не отвёл. Впрочем, как и Снегурушка. Но когда она медленно перевела его на Алёнку, Лель спохватился, будто опасность почуял. И схватив сопротивляющуюся сестру в охапку, потащил её ближе к своему дому, закрыв дверь на все засовы.

Глава 5

Тёмная, ледяная, бездушная... Волосы белые, а душа черна, словно ночь. А в глазищах ни жалости, ни света, хоть светлы да прозрачны они. А сердце... сердце...

Губы скривились в кривой усмешке. Кто она такая? И откуда здесь взялась? Сама не помнила. Но чувствовала, не такая она, как все, кого она встретила на пути своём. Смертные. Хрупкие и незащищенные. Единственное, что влекло её к ним, было то живое тепло, которого у неё самой даже сейчас, в этом странном ледяном теле не было. И оттого так нестерпимо хотелось его заполучить.

Она пыталась согреться, да всё было бесполезно. Крови не было в её жилах, но она о том, конечно, ещё не знала. Лишь догадывалась. И чувств тоже не было, а потому ледяное сердце было пустым. Как сундук без вещей – ненужная и бесполезная вещь.

Снегурушка пыталась вспомнить, что с ней произошло и как она оказалась здесь, в мире Яви, ведь смутные воспоминания о ином далёкими отголосками эха кружили в её голове роем бесчисленных снежинок. Она вспомнит, но позже. А пока ей стоило приспособиться, выжить и понять, для чего ей или кому-то ещё это понадобилось.

Старуха была слаба. Так просто было одурманить её, вложить в эту седую немощную голову ложные воспоминания.

Да, это она могла изначально, и даже детское тело, в котором она оказалось, было полно неведомой ей силой. А потому она воспользовалась этим, как только смогла. Играть с жизнями смертных ей не запрещалось – это она тоже откуда-то знала. Но пока не до конца поняла, откуда ей брать жизненные силы.

Увы, даже ледяные големы были не вечны. Силы Яви разрушали всё то, что не принадлежало этому миру, пытаясь наполнить её такой вкусной живительной энергией, от которой голем рано или поздно разрывало. Навь же только способствовала этому, втягивая в себя то, что принадлежало ей. Вот и она, как создание временное, чувствовала, что конец её близок, если...

Снегурушка ещё не поняла, что должна сделать, чтобы продлить своё существование в этом мире. И вроде бы не было ничего, что должно её было тут удержать. Однако, для чего-то она была сюда послана.

Она попыталась найти себе занятие по душе, чтобы заново познать этот мир и понять – каково это – быть живым? Старуха не мешала ей и даже всячески потворствовала, а потому она выбрала прялку... Пряжа заструилась в её пальцах ровнѐхонькой нитью, и тут Снегурушка поняла, что знает это занятие. И, более того, оно было ей по душе. Но голод оно не удовлетворяло.

Ей хотелось нечто иного. Когда смертная старуха, называя её своей дочерью, приближалась к ней непозволительно

близко, Снегурушку посещало странное чувство... Она хотела вцепиться в эту жалкую морщинистую шею, в эту размякшую плоть, от которой несло потом и коровьей мочой. Ей нужно было сделать это, навязчивое чувство клокотало внутри, склоняя её к принятию решения. И всё же она не торопилась. А ну как ошибётся. Картина пока что была почти идеалистической, не стоило рушить её ради банального эксперимента.

Тем более что на роль жертвы более походил другой. Старуха обожала её, эта любовь даже не была навязанной – она давно жила в сердце старой Анисьи, и Снегурушка лишь дала сосуд, на который та могла выплеснуть все свои накопившееся за длинную по меркам людей чувства.

Со стариком же всё оказалось гораздо сложнее. Он не желал принимать то, что она пыталась ему навязать. Не хотел быть обманутым, хотя настрадавшиеся в своё время люди чаще выбирали жизнь в иллюзиях, нежели суровую реальность. Но этот был не из таких.

Однако и здесь ей почти ничего делать не пришлось. Анисья сама спустилась на мужа, едва он что-то сказал ей поперёк. Вот она сила слепой, безусловной любви, что все эти годы носила женщина в своём живом сердце, которое, казалось, должно было погибнуть вместе с её нерождённым ребёнком...

Странно, но это не только не убило её, но и поддерживало в ней искорку надежды, не давая умереть. Ведь, как ока-

залось, она всю жизнь ждала, что её чадо к ней вернётся. И вот, её мечта, наконец, сбылась...

Снегурушка усмехнулась. Сколько же мало нужно было человеку для счастья. И всё же это не могло не восхищать. Однако любое исполнение желания, как правило, требовало жертвы. И для Анисьи такой жертвой стал Тимофей – человек, что прожил с ней бок о бок всю её жизнь, всячески помогал и поддерживал и никак не заслуживал подобного итога.

Однако ей самой было плевать на чувства. Старуха сделала свой выбор, а, значит, её желание было оплачено. Это было так необъяснимо просто, что казалось для Снегурушку самым естественным.

Но когда в их дом явился он – мальчишка, что привёл старика, едва не окоченевшего в сугробе, обратно, что-то шевельнулось в мёртвом, неживом сердце девочки. Она ещё не понимала, что – но это чувство стало первым, которое она смогла прочувствовать в полной мере. Но названия ему она пока что не знала. Это насторожило Снегурушку. Она одновременно хотела и не хотела, чтобы его отзвук вновь откликнулся в её теле.

Странное, непонятное чувство словно наполнило её чем-то особенным. Нет, оно не подарило ей живую душу и вовсе не дало того человеческого тепла, что она ощущала, находясь рядом с людьми. Но оно сделало нечто большее.

Снегурушка почувствовала, как в сердце что-то кольнуло.

Будто игла прошла или гвоздь. Да только боль эта была настолько нестерпимой, что захотелось схватиться за сердце... Дурной мальчишка! Плохой... Он был достоин того, чтобы лишить его жизни.

Да, она сделает это. Решено. Вот только...

Глава 6

В избе запахло дымом – Лель подкинул дров, потирая замёрзшие руки. Его горевшие алым щеки ещё долго будут пылать, вон сколько дел с утра переделал. И дров наколот, и хвороста натаскал, и даже пару вёдер воды из колодца принёс.

Мать возилась на кухне, Алёнка же, как всегда, хвостиком ходила за ним. Девочка поморщилась от дыма, но не ушла. Капризничала, да была привыкшей. К тому же, боялась, что брат опять уйдёт, а он с ней обещал поиграть.

- Шла бы ты погуляла! – сказала ей добродушно мать, замешивая на столе тесто.

Но та лишь носом шмыгнула, противясь.

- Я с Лелем пойду! «На горку!» —упрямо сообщила она.

- Устал он, - попыталась образумить её Олеся. – Вишь, ели на ногах держится.

Но Алёнка вновь замотала головой. Тогда мать переключилась на молчавшего до того сына.

- Набаловал ты её. Прямо как отец!

Лель поднял глаза на мать. У той уже слёзы в глазах стояли, как каждый раз, когда про Григория речь заходила.

- Мать, да ты чего! – пришлось ему с колен подниматься.

Подошёл обнял, а тут и Алёнка подлетела.

- Я ж как лучше хочу, - понуро ответил он. – Ежели не я,

то кто вас защитит да побалует? Чай мужик как никак...

Олеся улыбнулась сквозь слёзы. Как же они были похожи! Курчавые тёмные волосы, жёсткие, точно прутья, да блестящие. Карие глаза с той искринкой, что не гаснет до глубокой старости. Курносые носы... Обе хороши! Лель уже подозревал, что у сестрёнки, как подрастёт, отбоя от женихов не будет. Да и к матери иные похаживали – кто так, кто замуж звал, да только она всё верность отцу хранила, и после смерти не предавала.

Сам же Лель был светлый да голубоглазый – он в отца пошёл. А оттого матери так горько и сладко было смотреть на него, на своего умного не по годам сына, что напоминал ей каждый раз о погибшем муже.

- Иди погуляй, сынок! – внезапно предложила Олеся. – Я тут сама. Алёнка дома засиделась, а ты хоть присмотришь за ней, непутёвой!

Говорила она это шутливо, да вздорная девчонка всё равно обижалась.

- Не смотреть, не смотреть! Гулять со мной! – топала она ножками в крохотных валенках, чем вызвала смех и матери, и брата. И хоть устал тот, да сам понимал, что зимние забавы не вечны. Надо и на горку сходить, а то с тех самых пор, как он в доме Тимофея да Анисьи побывал, не было ему на душе покоя. Да приятелей своих повидать надобно было, пока светло. Да и Алёнку выгулять лишний раз было не грех.

- Идём! – позвал он. – Одевайся давай.

Та с визгом бросилась к своей шубке, неумело её натягивая, да завязывая старый материн пуховый платок вокруг головы и шеи.

Весело ребятне было на горке! С визгом летели они кто на санях, а кто на железках, да всё было одно. Радость, веселье, смех и даже слёзы – куда ж без этого? Лель, покрасневшись ещё пуще и даже вспотев от бесконечного движения, в сотый раз поднимался на крутой склон, чтобы, крепко прижав к себе сестру, лететь с ней на широких санях и визжать от радости и страха. В такие минуты он забывал, что является теперь главой семьи, и был просто мальчишкой, озорником да проказником. Хлопнувшись в сугроб, они тут же поднимались, освобождая дорогу другим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.